

Экономика-язык-культура

Продолжая обсуждение материалов "круглого стола", опубликованных в № 6 за 2000 год, в этом номере мы предоставляем слово ученым, работающим в разных сферах науки и, соответственно, оценивающим предложенные для дискуссии идеи с разных сторон. Известного политолога А. Киву интересует прежде всего сопоставление российских реалий с историей становления рыночных отношений в других странах, а также роль государства в этом процессе. Своими мыслями по поводу высказанных В. Найшулем и его коллегами за "круглым столом" идей делится и доктор медицинских наук А. Акопян. Он известен и как ученый, выступающий по обществоведческим проблемам, и как практик, создавший медицинский центр, успешно работающий в новых условиях и повседневно сталкивающийся с проблемами, которые ставит перед ним реально сложившаяся среда. А для доктора философских наук А. Пригожина более важной стала тема, непосредственно не затронутая за "круглым столом", - патологий отечественного управления.

А.В. КИВА

"Экономика-язык-культура" через призму виртуальной реальности

На моей исторической родине - Украине, где даже в селах многие русские поговорки и песни произносились по-русски, но воспринимались как украинские (кроме западных областей), не раз предпринимались попытки, так сказать, "очистить украинский язык от русифицизмов". Но нередко это оборачивалось комизмом и создавало богатый материал для едких пародий. Наиболее известные из них - украинские варианты текстов оперных арий. Например, "паду ли я стрелой пронзенный" и "смейся, паяц, над разбитой любовью" переводились на украинский, соответственно, как "впаду чи я, дрючком пропертий" и "смейся, барабуле, над розгепанним коханням".

Вспомнил я об этом, когда, читая материалы "круглого стола", дошел до предложения О. Гуровой русскую государственную идею определять в "новом политическом букваре" как "Стояние за Правду", дух русского консерватизма - как "Не нами положено, лежать ему вовек", а суть русского парламентаризма - как "Без Правды Боярской Царь Бога прогневит" и т.д. Если бы нечто подобное я слышал из уст, скажем, Г. Хазанова или М. Жванецкого, для меня все было бы ясно. Впрочем, поначалу я подумал, что и в данном случае коллектив ученых под эгидой известного не только в научных, но и в политических кругах экономиста В. Найшуля, как сказали бы англичане, *is teasing us*, т.е. подтрунивает над нами. Хочет проверить нас на сте-

---

Ки в а Алексей Васильевич - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

пень развитости чувства юмора. Однако чем дальше я читал, тем больше убеждался: разговор ведется в серьезном тоне. Но если так, то давайте и поговорим серьезно.

Хотя по диплому о высшем образовании я филолог, однако по дальнейшему образованию и опыту работы историк, поэтому и буду подходить к дискутируемой проблеме именно с позиций историзма. То, что национальные архетипы существуют, - вещь бесспорная. То, что они радикальным образом влияют на экономический прогресс страны, уже не столь бесспорно. То, что, как утверждает Найшуль, "между экономическими достижениями страны и ее культурой существует явственная взаимосвязь" - вещь вроде бы очевидная, но тоже не бесспорная. И уж совсем спорным является утверждение, что в нынешних условиях потеряли свое значение такие макроархетипы, как державность, патриотизм, жертвенность и пр.

Исследовать вопрос о том, когда и почему во многих широко распространенных в мире представлениях на те или иные вещи нашла отражение подмена причин следствиями, не входит в мою задачу, однако указать на некоторые из этих подмен все же придется. Например, на утверждение о том, что западнохристианские общества более нацелены на конкуренцию, на индивидуальный успех и т.д., нежели восточнохристианские. И при этом приводится пример наиболее продвинутых западных католических и протестантских стран, с одной стороны, и менее развитых православных стран, таких как Болгария, Румыния и даже Греция - с другой. В этом контексте, естественно, вспоминается М. Вебер, с легкой руки которого пошла по миру гулять максима о протестантской этике как мощном стимуле экономического развития.

Думаю, это и есть классический пример смещения причин и следствий. Страны Западной Европы, унаследовавшие богатую культуру Древнего Рима, а следовательно, и Древней Греции, на каком-то отрезке исторического пути на сотни лет опередили государства других регионов. Но у других стран, находящихся на окраинах европейского континента и покоренных на тех или иных исторических этапах более отсталыми, чем они сами, завоевателями, судьба сложилась по-иному. Они надолго оказались отрезанными от наиболее передовых европейских стран со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В качестве примера возьмем православную Грецию и католическую Португалию. Еще не так давно Португалия была одной из отсталых стран мира. Достаточно сказать, что доход на душу населения у нее был ниже, нежели в Гане на момент обретения той политической независимости. Да и католическая Испания до самого последнего времени не блистала экономическими достижениями. Только в условиях европейской интеграции обе эти страны сумели преодолеть свою былую отсталость, но все равно они сильно уступают по доходу на душу населения большинству стран ЕЭС. А где дала о себе знать как фактор экономического прогресса протестантская этика? В Англии, где протестантизм (англиканская церковь) сам явился следствием общественного прогресса, а отнюдь не наоборот: прагматичные англичане захотели иметь у себя более дешевую и независимую от Ватикана церковь.

В России коллективное бессознательное, национальный характер народа, особенности национальной культуры, политической системы, характер власти и т.д., и т.п. были адекватны ее историческому пути и геополитической ситуации. Рассуждая в этом ключе, можно признать вполне закономерными и принятие Древней Русью именно православия, а не католицизма, и крепостничество, и многие другие наши особенности, с которыми принято связывать проблемы отсталости от Запада. Но по-другому управлять страной с безбрежными просторами, не подвергая ее опасности быть снова завоеванной на сотни лет, было нельзя. Екатерина II увлеклась идеями Вольтера до тех пор, пока не появился самозванец Е. Пугачев, который, выдавая себя за царя Петра III, готов был разорить страну и вырезать весь цвет нации. Для этого случая поистине прав Гегель: что действительно, то разумно, а что разумно, то действительно.

О чем говорит мировой опыт? Архетипы народа, национальная культура, характер религии и т.д. на деле не играют принципиально важной роли в экономическом прогрессе страны. Об этом свидетельствует потрясающий прогресс стран, сильно отличающихся между собой по этим характеристикам, таких, например, как США, Германия, Япония, Китай, "новые индустриальные страны" и др. Даже ислам, в догматах которого действительно есть немало того, что, казалось бы, должно стоять на пути развития бизнеса, не помешал быстрому экономическому прогрессу целого ряда исламских стран. При этом, скажем, в Японии совсем по-иному, нежели в США, решались проблемы экономического развития. Там делалась ставка на коллективизм, солидарность, патриотизм, на достижение консенсуса по жизненно важным для нации вопросам, в то время как в США - на индивидуализм, на решение любых вопросов в парадигме "большинство - меньшинство". Иначе говоря, добиваются завидных успехов в своем развитии страны с традициями как индивидуализма, так и коллективизма.

Что на деле играет гораздо большую роль в экономической жизни страны? Предприимчивость, трудолюбие, бережливость, организованность людей и пр. Но и здесь я не уверен, что решающее значение в выработке этих качеств имели, скажем, протестантская, конфуцианская и т.п. этика, а не сами условия существования того или иного этноса. Но и названные выше качества народа как факторы развития я не стал бы преувеличивать, тем более абсолютизировать. Сейчас в мире почти не осталось мононациональных государств, они все больше превращаются в полиэтнические и поликонфессиональные, и каждая община занимает на экономическом пространстве ту нишу, где она может проявить свои наиболее сильные качества (если, конечно, этому процессу искусственно не мешают сверху). Например, потрясающий экономический прогресс многих стран Юго-Восточной Азии был бы практически невозможен без той роли, которую в их экономике играют этнические китайцы. Скорее даже, играли, ибо демонстрационный эффект сказался на резкой активизации деловой активности коренного населения.

Верно и то, что какие-то религиозные общины (по вполне объяснимым причинам) умеют достигать больших успехов, чем их соседи, находящиеся в тех же или сходных условиях. Например, старообрядцы в России или мормоны в США. Но все-таки это, скорее, частность, чем закономерность.

Участниками "круглого стола" высказаны и положения, которые, на мой взгляд, являются глубоко ошибочными. В частности, Найшуль утверждает, что в деле развития современной экономики макроархетипы или, говоря по-другому, свойственные россиянам державность, патриотизм, готовность идти на жертвы ради интересов общества и государства и т.д., уже не работают. Для быстрого роста экономического потенциала, по его мнению, "нужна активизация микроархетипов, обеспечивающих народной энергией все стороны правильного экономического и околоэкономического поведения: недорогой, качественный, предприимчивый труд, надежные и четкие деловые отношения между равноправными людьми; недорогое и эффективное восстановление порядка, решение проблем местного самоуправления и т.п."

Только и остается, что повторить слова Н. Некрасова о прекрасном времени, которое неизбежно наступит, но которого мы, ныне живущие, не дождемся. В самом деле, сколько десятилетий пройдет до появления названных выше "микроархетипов"? Полагаю, от трех до пяти. Выскажу свои соображения.

Во-первых, я не знаю ни одного в мире примера успешного развития, когда бы в полной мере не использовались присущие тому или иному народу особенности, заложенные в его архетипе. Даже когда американцы находились в Западной Германии и Японии в качестве оккупационной силы и учили тех и других на основе собственного опыта, как создавать открытую рыночную экономику, немцы и особенно японцы многие задачи экономического возрождения решали по-своему, опираясь на эти самые "макроархетипы". Именно при опоре на коллективизм, патриотизм, готовность идти на жертвы ради будущего страны и народа японцы добились потрясающих

результатов в развитии экономики. И роль государства как регулятора экономических отношений и защитника интересов национальных производителей на международной арене была огромна.

История свидетельствует, что только при достижении довольно высокого уровня экономического и социального развития идеи индивидуализма, включая автономность личности, определяющие лицо США, получили распространение и в Японии. Утверждение же Найшуля о том, что "не будет современной рыночной экономики", если наше государство не станет "прозрачным и самоочевидным для народа", представляется мне из области благих пожеланий, как и надежда на скорое появление у нас обозначенных им микроархетипов, с которыми он связывает наш экономический прогресс. Когда страна находится в глубочайшем кризисе, а большая часть народа - в нищете, нет иной силы, кроме государства, и иных идей, кроме тех, что заложены в национальном архетипе, которые были бы способны дать ей мощный импульс развития. Практически во всех странах, которые за 20-30 лет превратились из отсталых, доиндустриальных в индустриальные и постиндустриальные, таких как Южная Корея, Тайвань и др., именно государство выступало в качестве главного "дирижера" экономического и социального прогресса.

И еще. Затрудняюсь сказать насчет американцев, но ни немцы, ни японцы, ни тем более французы отнюдь не идеализируют свое государство, считая его "прозрачным". Главное - это *дать мощный стимул развитию рыночных отношений при любых обстоятельствах*, хоть в условиях авторитаризма, как в Китае. А это потянет за собой все остальное. Думаю, таков *единственный путь к гражданскому обществу и зрелой демократии*.

Во-вторых, существующий архетип народа в принципе нельзя разрушить. Такие попытки, по существу, означают следование пути Петра I или Ленина - Сталина со всеми известными нам последствиями. Он - архетип - трансформируется по мере общественного прогресса независимо от нашего желания, и результаты этой трансформации в полной мере нельзя предвидеть. Так, в сверхразвитой Японии на низовом уровне до сих пор сильны традиции коллективизма и солидарности.

В-третьих, страна добивается подлинного экономического прогресса только тогда, когда находит свой собственный путь развития, ограниченный, однако же, рамками рыночной экономики и мирового опыта. Ни навязывание ей извне "идеальных моделей развития", ни какие-то фантазии туземных экономистов по созданию чего-то невиданного в мире к добру не приводят. Попытки создать "отечественный вариант рыночного либерализма", "политический, экономический и т.п. букварь", оживить лексику словами "баяре", "собор", "баярская дума", языком "Скрижалей" - все это, простите, из области виртуальной реальности, если не оруэлловского "новояза".

Все это не нужно новому капиталу, который, как учил классик, есть сила международная, не приемлющая того, что может быть воспринято, как некая "русская самость". Противники же радикально-либеральных реформ наверняка напомнят о том, как Запад под флагом непреходящих "общечеловеческих ценностей" и при опоре на наших либералов-западников по своим рецептам очень быстро захотел создать в России открытую рыночную экономику с правилами игры ее агентов, похожими на "микроархетипы" Найшуля. Но результаты привели в ужас крупнейших западных экономистов, ибо это разграбление экономики, обнищание большинства населения, "дикий капитализм", олигархия, теневая власть, редкие по своему размаху коррупция и организованная преступность.

Кстати, наши "новые русские" как агенты рыночных отношений уже создали и свой язык, мало похожий на язык "Скрижалей", но близкий языку ненормативному, и свою этику поведения в сфере бизнеса (близкую к криминальной), в основе которой лежит стремление любой ценой завладеть чужой собственностью, избегая от конкурента, не брезгуя никакими средствами, не платить налоги, укрывая реальные доходы, нелегально переводя деньги в зарубежные банки. Выработали они и свой стиль жизни, устроенный по принципу "после нас хоть потоп". Это и расходование

огромных средств на строительство загородных коттеджей-замков, и приобретение дорогих иностранных машин, и отдых на самых фешенебельных курортах мира, и т.п. Создали они и стереотип предпринимателя постсоциалистического типа, которым, извините, можно пугать детей.

Но на деле произошло то, что и должно было произойти. Коль наши реформаторы заранее исключили регулирующую роль государства на переходном этапе от одной формации к другой, как было в "новых индустриальных странах" и как происходит в нынешнем Китае, полагаясь на максимум А. Смита о "невидимой руке" рынка, то Россия естественным образом вернулась в эпоху первоначального накопления, которую однажды уже проходила. У этой эпохи свои законы, ей не нужны ни реанимированный язык "Скрижалей", ни такое новообразование, как "лингвоэкономика", ни западная этика ведения бизнеса. Надо сначала выйти из этой стадии. А для этого требуется как раз укреплять государство, сохраняя демократические институты и всемерно развивая рыночные отношения на языке, понятном всему миру. Когда же пойдет в рост гражданское общество, можно будет рассуждать и о превращении государства в "ночного сторожа общества".

В заключение хотелось бы добавить, что в принципе любые изыски ученых в направлении "экономика-язык-культура" следует только приветствовать. Они вызывают дискуссию, а в ходе дискуссии, как известно, рождается истина. Вот в чем тут "загогулина" и даже несколько таковых. Во-первых, создание, скажем так, бизнес-языка специально для России с учетом коллективного бессознательного русского народа не очень корреспондирует с фактом мировой экономики и глобализации. Появление Интернета резко ускорило универсализацию языка деловых людей со все более широким использованием при этом английского языка, рожденных на его основе специальных терминов и, кстати, при универсальном понимании упомянутых за "круглым столом" выражений *"private property"*, *"public goods"*, а не как-то иначе. Во-вторых, попытки реанимации архаичных понятий и символики с целью их переосмысления и приспособления к новым реалиям во всех известных мне случаях заканчивались провалом. В частности, такая судьба постигла социалистический эксперимент на основе традиционного понятия "уджамаа" в Танзании и демократический эксперимент на основе традиционного понятия "джамахирия" в Ливии. Сходные явления возникали в ряде других стран с тем же печальным концом.